

Пока мы разговаривали, Чжан Сынян уже нанесла грим и вышла в костюме простолюдинки. Перед самым выходом на сцену она грациозно встала на цыпочки, огляделась вокруг, и её полузрелая, но всё ещё чарующая красота невольно вырвала у меня возглас одобрения. Она подхватила подол платья, качнула им вправо-влево и медленно вышла вперёд, затянув чистым голосом песню. С каждым её шагом хор подхватывал: «Таяо, присоединяйтесь!» А после следующего шага все уже кричали в унисон: «Таяонян горька, присоединяйтесь!»

Когда Чжан Сынян оказалась в центре, появилась Дугу Шао, изображая пьяного. Она шла, покачиваясь из стороны в сторону.

Дугу Шао была в моём платье. Поскольку она играла простого горожанина, то надела мою красную одежду наизнанку. Она высокая, поэтому мой наряд оказался ей коротковат, как короткая куртка. На голове у неё была надета набекрень шапка с длинными концами, в руке она держала кувшин вина. Притворившись, что отпила несколько глотков, она швырнула кувшин прочь, а затем пнула его ногой, сбив при этом чулок до половины. Поддавки в хоре стали подшучивать: «Дядюшка, носочек свалился».

Дугу Шао, пошатываясь, принялась искать — но вместо того чтобы нагнуться и посмотреть под ноги, она нарочно выгнулась назад и уставилась на ступни вверх ногами. Посмотрела так, посмотрела эдак, не нашла и вдруг резко выпрямилась, надув щёки, и уставилась на поддавки: «Раз я ног своих не вижу, откуда же там носку взяться?»

Эти слова рассмешили всех до слёз, даже Вэй Хуань фыркнула. Увидев её смех, я тоже улыбнулась. Вэй Хуань, услышав мой смех, обернулась и сказала: «Эрнян, сядьте, пожалуйста. Если вы стоите, никто не посмеет сесть».

Я ответила: «Тогда садись и ты».

Она кивнула, и я с сожалением отошла от неё, заняв главное место. Затем я пригласила сесть Цуй Мин-дэ. На столе уже были расставлены яства и напитки. Я заглянула к Вэй Хуань, убедилась, что у неё то же самое, что и у меня, и успокоилась, переключив внимание на сцену. К этому моменту Дугу Шао и Чжан Сынян уже изображали драку мужа с женой. Музыка звучала живо, барабаны отбивали бодрый ритм, а поддавки всю старались развеселить публику, заставляя всех в зале хохотать до упаду.

Я тоже позволила себе улыбнуться, затем отвернулась и подозвала стоявшего у края сцены слугу-распорядителя: «Что это вообще за представление?»

Тот евнух тихо ответил: «В прежние времена жил некий Су Паоби, любивший пьянствовать и избивать жену. Его супруга часто жаловалась соседям, и со временем кто-то сочинил эту пьесу, чтобы его высмеять. Просто забавная народная сценка, чтобы потешить ваше высочество».

Я промычала в ответ. Видя, что все смотрят заворожённо, не хотелось портить им настроение. Но этот шумный, весёлый спектакль с сюжетом об избиении жены мужем, да ещё и на фоне моих собственных тревог, совсем не занимал моего внимания. Поэтому я снова принялась разглядывать Вэй Хуань. Посмотрю немного — боюсь, заметят, — отвернусь, съем пару закусок, сделаю вид, будто наблюдаю за сценой, изобразив одобрительную улыбку, и снова посмотрю на неё. Так продолжалось до тех пор, пока я не наелась до отвала. Наконец барабаны резко смолкли, Чжан Сынян вместе с хором поклонилась, а Дугу Шао сделала шаг вперёд и устремилась на меня смеющийся взгляд.

Вэй Хуань подмигнула мне, я очнулась и поспешно выпалила: «Наградить!» Вэй Хуань слегка

кашлянула и добавила: «Принцесса жалуется сто штук шёлка».

Я подтвердила: «Верно, жалуется сто штук шёлка».

Вэй Хуань взглянула на меня, и когда Дугу Шао с Чжан Сынян удалились, чтобы смыть грим, она вдруг спросила: «Эрнянь, как вам понравился этот танец?»

Я ответила: «Очень!»

Она же с усмешкой посмотрела на меня: «А я, глядя, как ваше высочество поминутно озирается по сторонам, подумала, что представление вам не по душе».

Тут я вспомнила, что всё это время пялилась на Вэй Хуань и, вероятно, совсем обделила вниманием Цуй Мин-дэ. Я быстро повернулась направо и, улыбнувшись сидевшей ниже госпоже Цуй, сказала: «Танец-то хорош, но сцена, где муж бьёт жену, всё же оставляет неприятный осадок. Как вы полагаете, Эрнянь?»

Цуй Мин-дэ подняла бокал, отпила и с лёгкой улыбкой ответила: «Просто забава, не стоит принимать близко к сердцу».

Вэй Хуань тоже улыбнулась: «Даже в самых спесивых семьях ни один муж не посмеет поднять руку на принцессу. Успокойтесь, Эрнянь».

Примечание автора:

Слуга-распорядитель: мелкий чиновник, выполняющий поручения.

«Внутренние» слуги: так в Цзяофане называли тех, кто постоянно находится при дворе.

В Цзяофане женщины зовут друг друга сёстрами, а их мужей соответственно величают «невестками» или «свёкрами».

Хотя в наше время нравы и стали свободнее, и близкие подруги нередко подшучивают друг над другом насчёт замужества, такие шутки совершенно неуместны в присутствии чиновников Цзяофана и «гостей». Вэй Хуань всегда была образцом такта, но сегодня она уже не в первый раз проговорила, и это весьма необычно.

Я невольно снова посмотрела на неё. Она поднимала бокал, пристально глядя на вино, и не поворачивалась в мою сторону. Её предыдущая реплика повисла в воздухе, её словно и не было. Так не ведёт себя человек, только что позволивший себе шутку в мой адрес.

Моё смутное подозрение вновь зашевелилось. Мне хотелось снова её прощупать, но, кроме темы приданого, я не знала, как завести разговор. Пока я раздумывала, Дугу Шао и Чжан Сынян уже переоделись и вышли, чтобы вновь выразить благодарность. Я быстро сообразила и приказала поставить для них отдельный столик. Когда артистов Цзяофана приглашают, они либо не садятся за стол, либо занимают место рядом с высоким гостем. Но мы все были женщинами, да ещё и во дворце, поэтому садиться рядом было не совсем прилично. Из-за этого слуги даже не подготовили для них сидений.

Чжан Сынян была потрясена такой честью и долго отнекивалась, пока Сяолан и другие не усадили её на самое последнее место. Я также распорядилась щедро наградить всех прочих из Цзяофана в соседнем зале, а всем слугам в моих покоях выдать дополнительно вина и еды. В зале остались лишь несколько приближённых служанок, Вэй Хуань, Дугу Шао, Цуй Мин-дэ и

Чжан Сынян. Подогреваемая вином, я постепенно подвела разговор к городским сплетням и обсуждению текущих событий, а затем спросила: «Я слышала, Шилюнян говорила, что партнёршей Чжан Сынян является Пэй Жуньян. Почему же вы называете её братом?»

Чжан Сынян, прикрыв рот рукой, рассмеялась: «У нас в Цзяофане близкие подруги часто заключают союз, называя друг друга братьями. Я старше, поэтому меня зовут Четвёртым братом, а Жунь, что младше, — Одиннадцатым братом».

Дугу Шао, смеясь, добавила: «У них там вообще забавно. Если кто-то из мужчин женится, его называют «невесткой» или «свёкром». Например, мужа Чжан Сынян, Су Уну, зовут «Четвёртой невесткой».

У меня уже зародилось смутное предположение, и я нарочно, с улыбкой сказала: «Так-так. Это похоже на обычаи той далёкой Страны женщин. Может, кто-то из «внутренних» слуг был оттуда, вот и завёлся такой обычай».

Никто не понял, о чём речь, и все уставились на меня. Я скользнула взглядом по Вэй Хуань, прочистила горло и начала: «Я слышала, что на самом крайнем западе есть Страна женщин, где живут одни женщины, а мужчин вовсе нет...»

Не успела я договорить, как Вэй Хуань нахмурилась: «Как может существовать такое место? Эрнян, вы, наверное, перепутали от вина».

Я парировала: «Просто сказка. Послушать — не вредно».

Дугу Шао тоже подхватила: «Расскажите, Эрнян, мы хотим послушать!»

Тогда я подняла бокал, медленно встала и, прохаживаясь по центру зала, продолжила: «Короче говоря, мужчин там нет. Во всей стране, сверху донизу, одни женщины. И когда заключают брак, это тоже женщина с женщиной. Никакие мужчины туда не допускаются...»

Чжан Сынян, захмелев, осмелела и вставила: «А как же тогда дети заводятся?»

Я таинственно улыбнулась: «Там есть река, называется «Дочерняя». Женщины, желающие зачать, договариваются между собой, кто будет отцом, а кто матерью. Та, что выбрала быть матерью, соблюдает пост, омывается, искренне молится сорок девять дней, а затем пьёт воду из Дочерней реки семь дней подряд. После этого она беременеет. Вынашивает, как и у нас, десять месяцев, и рождается тоже девочка». Я украдкой взглянула на присутствующих: Дугу Шао смотрела с явным восхищением, что-то шепнула на ухо Цуй Мин-дэ, та бросила на неё сердитый взгляд, но и в её глазах мелькнуло любопытство, когда она посмотрела на меня. Вэй Хуань опустила голову, погружённая в свои мысли. Чжан Сынян же отнеслась скептически, осушила бокал, и в её взгляде, блуждавшем вокруг, проступила вся зрелая, игривая прелесть: «Ну, если так, то какая же в деторождении радость!»

Я сделала вид, будто не понимаю, и с наигранной весёлостью сказала: «А разве дети — не для продолжения рода? Какая ещё тут радость нужна?»

Чжан Сынян уже открыла рот, чтобы ответить, но тут Вэй Хуань и Цуй Мин-дэ кашлянули почти одновременно. Та одарила обеих улыбкой, склонила голову набок и сказала: «Иероглиф «муж» — это «небо» над «силой». Без мужа в доме чего-то важного всё же недостаёт».

Я возразила: «А разве двум нежным, ласковым женщинам вместе нехорошо? Без этих грубых, неотёсанных мужланов, что ведут себя безо всякого изящества».

Чжан Сынян рассмеялась: «Ваше высочество, вы говорите совсем как дитя!»

Я нарочно задорно вскинула голову, изображая обиду: «Я вовсе не дитя, я действительно так думаю!» Это заставило Чжан Сынян залиться ещё громче, а Дугу Шао и Цуй Мин-дэ тоже прыснули. Я нарочно повернулась, притопнула ногой и спросила Вэй Хуань: «А-Хуань, а ты скажи, разве двум девушкам вместе нехорошо?»

<http://bllate.org/book/16278/1466563>